

Управление историей: познавательный эффект исторических параллелей

Троицкий Ю. Л.,

к. ист. н.,

профессор кафедры теории и методологии гуманитарного знания РГГУ,
снс Школы антропологии будущего РАНХиГС,

troitsky@gmail.com

Аннотация: В статье ставится проблема когнитивного значения исторических параллелей в современном публицистическом дискурсе. Историческая параллель рассматривается как типологическая аналогия литературного тропа, обладающая эмерджентным эффектом. Основная функция исторической параллели состоит в легитимизации публицистических утверждений.

Ключевые слова: историческая параллель, публицистика, троп, легитимизация.

В настоящей статье, разумеется, невозможно описать такой многофакторный феномен, как способ управления историческим прошлым, не говоря уже о том, что *историческое прошлое* совсем не сводится к управленческим усилиям. Феномен исторической памяти в значительной степени формируется стохастически из множества различных ресурсов — личной памяти людей, памяти культурных артефактов, групповой памяти и проч. Представляется необходимым рассмотреть смыслообразующую роль исторической параллели в историографическом нарративе.

По всей вероятности, *сравнение, соотнесение* каких-либо объектов принадлежит к самым фундаментальным свойствам мышления. В «Разговоре о Данте» О. Мандельштам писал: «Я сравниваю — значит, я живу — мог бы сказать Дант. Он был Декартом метафоры, ибо для нашего сознания (а где взять другое?) только через метафору раскрывается материя, ибо нет бытия вне сравнения, ибо само бытие есть — сравнение» [Мандельштам О. Э., 1987, с. 118].

Исторические параллели могут проводиться не только между событиями или биографиями, но и между текстами. Современный исследователь В. Н. Топоров «знакомит» между собой два текста: дневник русского общественного деятеля Андрея Тургенева (начало XIX в.) и дневник Исикавы Такубоку, известного японского поэта (начало XX в.). Между этими двумя текстами — столетие, они принадлежат к совершенно различным культурным традициям, и тем плодотворнее их «сталкивание» и анализ [Топоров В. Н., 1989, с. 78–177].

В автобиографической повести «Охранная грамота» Пастернак писал о своем приезде в Марбург для обучения в университете: «Я стоял, заламая голову и задыхаясь. Надо мной высился головокружительный откос, на котором тремя ярусами стояли каменные макеты университета, ратуши и восьмисотлетнего замка. С десятого шага я перестал понимать, где нахожусь.... вдруг я понял, что пятилетнему шарканью Ломоносова по этим мостовым должен был предшествовать день, когда он входил в этот город впервые, с письмом к лейбницеву ученику Христиану Вольфу, и никого еще тут не знал. Мало сказать, что с того дня город не изменился. Надо знать, что таким же неожиданно маленьким и древним мог он быть уже и для тех дней. И, повернув голову, можно было потрястись, повторяя в точности одно, страшно далекое, телодвижение. Как и тогда, при Ломоносове, рассыпавшись у ног всем сизым кишением шиферных крыш, город походил на голубиную стаю, замороженную на живом слете к сменной кормушке. Я трепетал, справляя двухсотлетие чужих шейных мышц» [Пастернак Б. Л., 1991, с. 171–172].

Уверенность поэта в том, что он повторил через 200 лет «телодвижение» Ломоносова, можно, конечно, отнести на счет поэтической интуиции, но можно объяснить и по-другому: почти неизменяемое пространство марбургской панорамы, как машина времени, соединило две эпохи, создав условия для «телесного мимесиса» поэта. В стихотворении «Марбург» Пастернак писал:

«Тут жил Мартин Лютер. Там — братья Гримм.
Когтистые крыши. Деревья. Надгробья.
И все это помнит и тянется к ним.
Все — живо. И все это тоже — подобья».

[Пастернак Б. Л., 2003, с. 111.]

Эти строки меньше всего напоминают путеводитель по Марбургу. Поставить в одну строку Лютера и братьев Гримм можно лишь будучи уверенным в самой возможности подобного соположения имен, той уверенности, с которой Пастернак повторил через 200 лет телодвижение Ломоносова. Это — уверенность в сложном течении истории, знающем повторы и совпадения.

«Ты прав, божественный певец: века веков лишь повторенье!» — писал поэт В. Тепляков [Тепляков В. Г., 1972, с. 178], и именно эти строки горячо одобрил А. Пушкин. А герой совсем иной эпохи — надзиратель из «Чевенгура» А. Платонова — «...сидел над старинными книжками. Он искал советскому времени подобия в прошлом, чтобы узнать дальнейшую судьбу революции и найти исход для спасения своей семьи» [Платонов А., 2004, с. 201].

«Повторяется ли история?» — так назвал свою статью А. Тойнби и отвечал: «В той старомодной области битв и политических интриг, полководцев и королей — повторялась ли и там история так же, как она повторяется в области человеческой активности, явным образом управляемой движением природных циклов? Была ли, например, Гражданская война Севера и Юга явлением уникальным или же мы можем отыскать другие исторические события, отражающие достаточное сходство и родство с этим явлением,

чтобы мы имели право рассматривать их как ряд явлений одного класса событий, в которых история повторяется хотя бы до некоторой степени?» [Тойнби А. Дж., 1991, с. 35]. Сам автор склоняется именно к этой точке зрения.

Не случайно хронологические таблицы составляют ядро исторических описаний. Хронологический ряд притягателен, потому что уравнивает разномасштабные события: рождение национального героя, начало войны, завершение восстания или революции — все это *точки* на временной шкале. Лента хронологии позволяет соотносить события друг с другом во времени. Поэт К. Случевский не случайно сблизил поэтическую рифму и исторический сюжет:

«Ты не гонись за рифмой своенравной и за поэзией — нелепости оне:
Я их сравню с княгиней Ярославной, с зарёю плачущей на каменной стене».

[5, Случевский.]

В качестве предположения можно говорить о том, что исторические параллели становятся для историка способом понимания (а значит, и смыслополагания) той действительности, современником которой он является.

Дальнейшее исследование автоматизма историографического письма позволит дифференцировать интенционал историка и смылопорождающий эффект самого нарратива. Вероятно, можно говорить о том, что историческая параллель в тексте историка — это типологический аналог тропа в художественном тексте: структуралистские исследования показали, что минимальными смылопорождающими «устройствами» художественного текста являются тропы. Эту же функцию в историографическом нарративе играет историческая параллель, обладающая эмерджентным эффектом.

Наш интерес к явлению исторической параллели как элементу компаративного метода в логическом аспекте представляет собой сравнение исторических феноменов (событий, процессов, персонажей) по выделенным признакам с целью переноса подобных свойств с одного объекта на другой. С семиотической точки зрения, историческая параллель, например, двух событий на основании их семантической близости позволяет предположить возможность синтаксического или прагматического подобия этих событий.

Когнитивный и эвристический потенциал исторической параллели состоит в смысловых подобиях, когда давно прошедшее историческое событие, освоенное историографическими интерпретациями, позволяет проективно осмыслить новое событие, еще не погруженное в историографический «бульон».

Анализ такого эго-документа, как дневники историков, позволяет увидеть, как проведенная профессионалом историческая параллель «свежего» события с историографически освоенным дает понимание сути произошедшего. Например, дневник московского историка Ю. В. Готье полон «параллелизмами» революционных

событий 1917–1918 гг. с хорошо известными историческими событиями русской Смуты начала XVII в.

Современная публицистика кишит историческими аналогиями, которые играют роль сертификата достоверности. В СМИ почти каждый говорящий использует исторические аналогии, усиливая тем самым убедительность своих утверждений. Это напоминает средневековую традицию ссылок на сакральные тексты. Исторические параллели стали инструментом убеждающей риторики, причем безопасным инструментом: проверить на подлинность аналогии в устной речи оратора почти невозможно.

В свое время я провел несколько лет, экспериментируя с преподаванием истории в школе.

Историческое мышление школьника проявляется, например, в способности проводить исторические аналогии и параллели между событиями, персонажами или историческими процессами. Если это неочевидная историческая аналогия — есть шанс появления новых смыслов, шанс п о н и м а н и я.

Но особенно интересны рефлексии самих ребят по поводу проделанных мыслительных движений. Вот фрагмент урока в 7-м классе, проведенного несколько лет назад, на котором обсуждалась проблема исторических параллелей.

Наташа Смирнова: «С помощью исторических параллелей мы частично переходим в позицию иностранца и расширяем свой взгляд на события».

Таня Жулева: «Когда мы проводим исторические параллели, мы делаем насилие над историческим материалом».

Алексей Ермолин: «Я не согласен, проведение параллелей дает возможность обнаруживать общие черты».

Костя Ершов: «Историческая параллель позволяет увидеть реальный масштаб события и человека».

Подобная рефлексия семиклассников показывает достаточно высокий уровень понимания феномена исторической аналогии и параллели и вполне конгениальна историографическим позициям «взрослой» науки.

Недавно я показал запись этого урока Косте Ершову, только что ставшему студентом РГГУ, он, улыбнувшись, подтвердил сказанное и заявил, что новые события он пропускает через «сито» исторических аналогий, и только тогда начинает понимать их настоящий масштаб.

Конечно, «исторический параллелизм» имеет свои риски: аналогия акцентирует совпадения феноменов, подчас игнорируя их различия. Об этом наблюдение Н. М. Карамзина: «Грубый ум ищет в различном сходное, тонкий ум — в сходном различное».

Об этом же говорил в интервью Соломону Волкову и Иосиф Бродский: «Но вообще-то с параллелями всегда следует быть чрезвычайно осторожными. Надо помнить и о множестве различий».

Литература

1. Мандельштам О. Э. Разговор о Данте // Мандельштам О. Э. Слово о культуре. — М.: Советский писатель, 1987.
2. Пастернак Б. Л. Полное собрание сочинений: В 11 т. Т. I., VI. — М., 2003–2005.
3. Пастернак Б. Л. Собрание сочинений в 5 т. Т. 4. — М.: Художественная литература, 1991.
4. Платонов А. Чевенгур. — М., 2004.
5. Случевский К. «Ты не гонись за рифмой своенравной» // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». Электронный ресурс: <http://feb-web.ru/feb/slovo/trans/s67/s67-402-.htm> (дата обращения: 04.11.2021).
6. Тепляков В. Г. Гебеджинские развалины // Поэты 1820–1830-х годов. Т. 1. — М.: Советский писатель, 1972.
7. Тойнби А. Дж. Постигание истории. — М.: Прогресс, 1991.
8. Топоров В. Н. Два дневника (Андрей Тургенев и Исикава Такубоку) // Восток — Запад. Исследования. Переводы. Публикации. — 1989. № 4.

References

1. Mandelshtam O. “Razgovor o Dante” [Talk about Dante], in: Mandelshtam O. *Slovo o kul'ture* [A word about culture]. Moscow: Sovetskij pisatel', 1987. (In Russian.)
2. Pasternak B. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete works] Vol. I., VI. Moscow, 2003–2005. (In Russian.)
3. Pasternak B. *Sobranie sochinenij* [Collected works] Vol. 4. Moscow: Hudozhestvennaya literatura, 1991. (In Russian.)
4. Platonov A. *Chevengur* [Chevengur]. Moscow, 2004. (In Russian.)
5. Sluchevskij K. “Ty ne gonis' za rifmoj svoenravnoj” [“Don't chase the wayward rhyme”]. Fundamental electronic library “Russian literature and folklore”. URL: [<http://feb-web.ru/feb/slovo/trans/s67/s67-402-.htm>, accessed on 04.11.2021]. (In Russian.)
6. Teplyakov V. “Gebedzhinskie razvaliny” [Gebedzhi ruins], in: *Poety 1820–1830-h godov. T. 1.* [Poets of the 1820s–1830s. Vol. 1.]. Moscow: Sovetskij pisatel', 1972. (In Russian.)
7. Toporov V. *Dva dnevnik (Andrej Turgenev i Isikava Takuboku)* [Two diaries (Andrey Turgenev and Ishikawa Takuboku)]. East — West. Research. Translations. Publications, 1989, no. 4. (In Russian.)
8. Toynbee A. *Postizhenie istorii* [Comprehension of history]. Moscow: Progress, 1991. (In Russian.)

Controlling History: Cognitive Effects of Historical Parallelisms

Troitski Yu. L.,

Candidate of Historical Sciences,
Professor of the Department of Theory and Methodology of
Humanitarian Knowledge, Russian State University for the Humanities,
School of Anthropology of the Future, RANEPА,
troitsky@gmail.com

Abstract: This paper poses the problem of the cognitive significance of historical parallelisms within the context of modern social-political discourse. Historical parallelism is viewed as being typologically analogous to a literary trope, while possessive of the emergent effect. The main function of historical parallelism is the legitimization of social-political statements.

Keywords: historical parallelism, social, political, trope, legitimization.